3811

ОИК
3811
II
ОИК XVIII в
отд

Господина Флешїера, бывшаго Епископа Нимесскаго.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

королевскому французскому генералу фельдмаршалу

ГРАФУ ТЮРЕННУ,

говоренное въ Парижѣ Генваря 10 дня 1676 года,

переводъ Андрея Нартова.

Павла Васильевича Шапова библиотека

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академїи Наукъ

1763 года.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 373040
« » 193 г.

И плакашася о Іудѣ, и рыдаше его весь Исраиль плачемъ велїимъ, и сѣтоваху дни многи, и рекоша: како паде сильный спасаяй Исраиля!

I. Маккав. гл. IX. стих. 20 и 21.

Я Не могу подать вамъ, Слышателїе! большаго понятїя о печальномъ содержанїи нынѣшняго моего слова, какъ ежели предложу вамъ великолѣпныя и точныя слова во Священномъ писанїи сказуемыя, похваляющїя жизнь мудраго и храбраго Маккавея, и смерть его оплакивающїя. Сей военачальникъ распространившїй славу народа своего до конца вселенныя, поля щитомъ своимъ покрывающїй, и киченїе непрїятелей мечемъ десницы своей укротившїй, противу себя ополчившихся Царей въ конецъ огорчившїй, и домъ Іякова добродѣтелями и дѣлами возвеселившїй, коихъ память во вѣки между нами пребудетъ. Сей военачальникъ грады Іудейскїе защитившїй, гордость чадъ Аммоновыхъ и Исавовыхъ низложившїй, и возвратившїйся съ корыстьми

изъ Самарïи, сожегшïй идоловъ иноплеменническихъ народовъ на собственныхъ ихъ жертвенникахъ: Сей военачальникъ поставленный отъ Бога мѣдною стѣною вокругъ Исраиля, о которую силы всея Асïи столь часто сокрушались, которой по уничтоженïи многочисленныхъ войскъ, по низверженïи искуснѣйшихъ Полководцевъ, также какъ и послѣднïй Исраильтянинъ возвращался съ побѣдоносными руками ежегодно для возстановленïя святыни, и который никакого возмездïя за оказанныя отечеству своему услуги не требовалъ, какъ только той чести, что онъ отечество свое удержалъ во благосостоянïи: Сей храбрый военачальникъ непреодолимымъ мужествомъ со стыдомъ бѣгущихъ непрïятелей прогоняющïй, получилъ наконецъ смертоносную язву, и былъ погребенъ во своей побѣдѣ. При первомъ слухѣ о семъ печальномъ случаѣ поколебались всѣ города во Iудеи. Цѣлыя рѣки слезъ протекали изъ очей всѣхъ ея жителей. Нѣсколько времяни пребывали они въ тишинѣ безгласными и неподвижными. Напослѣдокъ превозмогла жестокость печали должайшую сïю и смущенную тишину гласомъ отъ воздыханïй пресѣкающимся, и возбуждающимъ въ сердцахъ ихъ, страхъ, печаль и негодованïе. Они вопïяли: Како паде сильный спасаяй Исраиля! При такомъ воплѣ умножалъ Iерусалимъ слезы свои, своды храма трепетали,

и всѣ

и всѣ стѣны его раздавались отъ шума сихъ печальныхъ словъ: Како паде сильный спасаяй Исраиля?

А вы, о Христолюбцы! сюда по причинѣ сего печальнаго обряда собравшіеся, не приводитель вы на память того, что вы видѣли, и что вы назадъ пять мѣсяцовъ чувствовали? или вы сами себя не познаваете въ той печали, о которой я теперь вамъ представляю? и не воображаете ли вы въ мысляхъ вмѣсто онаго военачальника, о коемъ Священное говоритъ писаніе, того, о которомъ я нынѣ говорить намѣренъ? Они другъ другу и въ добродѣтели и злополучіи подобны, и сему послѣднему ничего болѣе нынѣ не достаетъ, какъ только приличнаго ему похвальнаго слова. О ежели бы божественный духъ, духъ силы и истинны, слово мое такими живыми и свойственными представленіями преисполнилъ, которыя бы добродѣтель не только изобразить, но и въ сердца бы впечатлѣть могли! какими бы благородными мыслями преисполнилъ я души ваши, и какое бы чувствіе произвесть могло повѣствованіе толикихъ полезныхъ и достохвальныхъ дѣлъ въ сердцахъ вашихъ!

Какаяжъ бы болѣе вещь когда способнѣе была для предпріятія всѣхъ украшеній мужественнаго и основательнаго краснорѣчія,

 какъ

какъ жизнь и смерть свѣтлѣйшаго Князя Генриха дела Тура Доверніа, Виконта Тюренна, Королевскаго Французскаго Генерала Фельдмаршала, и главнаго Генерала легкой конницы? Гдѣ блистаютъ всѣ преславныя дѣйствія храбрости, вожденіе войскъ, осады мѣстъ, взятіе городовъ, съ бо́льшимъ сіяніемъ? Кто переходилъ рѣкъ болѣе? Кто отважнѣе былъ въ нападеніи, и похвальнѣе во отступленіи? Кто станъ свой лучше располагалъ, былъ болѣе на браняхъ, одерживалъ болѣе побѣдъ? Кто преодолѣвалъ болѣе силою непріятелей, искусствомъ разсыпалъ, разумнымъ и благороднымъ терпѣніемъ въ безсиліе приводилъ и изнурялъ? Гдѣ можно найти столь многіе, и столь сильные примѣры, какъ въ дѣйствіяхъ мудраго, скромнаго, щедраго, и всякаго корыстолюбія ненавидящаго мужа, посвятившаго себя службѣ Государя и Отечества, которой въ нещастіи своимъ мужествомъ, въ благополучіи своею скромностію, въ препятствіяхъ своимъ разумомъ, въ опасности своею силою, въ вѣрѣ своимъ благочестіемъ, великъ былъ.

Какая вещь можетъ насъ привести на лучшія и чувствительнѣйшія мысли, какъ нечаянная и скоропостижная смерть, прекратившая теченіе побѣдъ нашихъ, и пресѣкшая сладчайшую надежду мира? Вы непріятели Франціи наслаждаетеся жи-

жизнїю! и Христїанская любовь запрещаетъ мнѣ желати вамъ смерти. Когдабъ вы только справедливость оружїя нашего познать, и миръ прїять хотѣли, которой вы при всемъ вашемъ station уронѣ столь часто отъ себя отметали; и когдабъ вы изобилїемъ слезъ вашихъ военный огнь потушить возжелали, который вы столь нещастливо воспламенили! Сохрани Боже! чтобъ пожелалъ я чего еще болѣе! Судьбы Божїи неиспытанны. Но вы жизнїю наслаждаетесь, а я оплакиваю на семъ поучилищѣ разумнаго и добродѣтельнаго Полководца, коего намѣренїя были справедливы, и коего добродѣтель казалась заслуживать должайшую жизнь.

Престаньте сѣтовать, Слышателїе! время ужѐ начинать похвалу его, и показать вамъ, какъ сей сильный воинъ надъ непрїятелями государства нашего своею храбростїю, надъ склонностями своего се́рдца своею премудростїю, и надъ заблужденїями и суетами свѣта благочестїемъ своимъ торжествовалъ. Но ежели бы я порядокъ сего сло́ва и пресѣкъ, то извините мое смятенїе въ сей вещи, которая столь много непорядка причинила. Можетъ быть я буду иногда сравнивать Полководца съ разумнымъ мужемъ, а сего съ Христїаниномъ: То буду я выхвалять побѣды, то прославлять паки добродѣтели, кото-

рыми онъ одержалъ оныя. Хотя столь многихъ дѣлъ объявить я и не возмогу, однако открою ихъ въ своемъ источникѣ. Я буду просить Господа господствующихъ, я буду призывать Бога міра, я буду хвалить Отца милосердія и щедротъ. Я достигну прилѣжнаго вашего вниманія не силою краснорѣчія; но истинною и величиемъ добродѣтелей, о коихъ я говорить обѣщался.

Не думайте, Слышателіе! Чтобъ я по обыкновенію Риторовъ поступая, Маршала Тюренна на подобіе простыхъ людей хвалить сталъ. Ежели бы жизнь его не была толико славна, тобъ я упомянулъ о великости и благородствѣ его дома: И ежели бы собственной его образъ не столь прекрасенъ былъ, то представилъ бы я вамъ изображенія его предковъ. Но превосходство дѣлъ его затмѣваетъ сіяніе его рожденія, и самая малѣйшая похвала, которую ему приписать можно, состоитъ въ томъ, что онъ изъ свѣтлѣйшаго дома Овернскаго произшествіе свое имѣетъ, которой родство его съ Королями и Князьями совокупилъ; которой землѣ Гвіенской Владѣтелей, всѣмъ Европейскимъ дворамъ Принцессъ, а Франціи самой Королевъ произвелъ.

Но что я говорю? по сей причинѣ его хвалить не надлежитъ, нѣтъ, намъ должно о

немъ

немъ сожалѣть. Сколь ни славенъ его родъ, изъ котораго онъ произошелъ, однакожъ заразило его еретичество послѣднихъ временъ. Онъ получилъ купно съ благородною сею кровїю основанїя заблужденїй и неправды, и между домашними своими примѣрами нашелъ онъ только такїе, которые истинны отъ части не познавали, а отъ части и со всѣмъ ей противоборствовали. Чего ради не надлежитъ намъ изъ того дѣлать ему похвалы, что подало ему поводъ къ покаянїю; паче же должно намъ смотрѣть на тѣ степени чести, на которыя его божеское провидѣнїе возвело, прежде нежели привлекло его къ себѣ милосердїе отъ неправаго и стропотнаго пути родителей.

Онъ началъ уже 14 лѣтъ привыкать къ оружїю, осады и сраженїя служили младенчеству его привычкою, и побѣды были перьвыми его увеселенїями. Подъ предводительствомъ Принца Оранскаго, дяди своего по матери, учился онъ военному искусству, какъ простый воинъ; ни гордость, ни лѣность не удаляли его отъ исправленїй твердо соединенныхъ съ трудомъ и послушанїемъ. Видно было, что въ нижней степени солдатскаго состоянїя никакихъ неспокойствїй онъ не избѣгалъ, и никакой опасности не страшился. Онъ дѣлалъ то изъ честолюбїя, что другїе изъ необходимости дѣлали, и старался отъ

нихъ ничемъ болѣе не отличаться, какъ чрезмѣрною охотою къ трудамъ и благороднымъ исполненїемъ своея должности. Такое начало жизнь имѣла, которыя продолженїю столь славному быть надлежало не инако, какъ рѣки, кои тѣмъ пространнѣе становятся, чѣмъ болѣе отъ источниковъ своихъ удаляются, и наконецъ повсюды, гдѣ ни протекаютъ, выгоды и изобилїе съ собою приносятъ. Съ того времени жилъ онъ только для одной чести и благополучїя государства. Онъ всѣ оказывалъ услуги, которыхъ отъ постояннаго и трудолюбиваго духа обитающаго въ здравомъ и крѣпкомъ тѣлѣ ожидать надлежало. Во младенчествѣ имѣлъ онъ разумъ зрѣлыхъ лѣтъ, а въ совершенныхъ лѣтахъ бодрость юношества. Жизнь его получила совершенное долгоденствїе; и достигла лѣтъ предписанныхъ оной въ Священномъ писанїи: И какъ онъ младыхъ своихъ лѣтъ въ нѣжности и роскоши не препроводилъ, то не былъ для того принужденъ и послѣднїя лѣта препровождать въ праздности и слабости.

Гдѣбъ былъ между Французскими непрїятелями такой народъ, которой бы не чувствовалъ дѣйствїй его храбрости? И которая бы часть нашихъ предѣловъ не служила ему позорищемъ его чести? Онъ прешедши Алпійскїя горы прославляется храбростїю своею и разумомъ въ войнахъ

при

при Казалѣ, при Туринѣ, при Рутѣ де Кіере. Италія почитаетъ его первѣйшимъ виновникомъ толь великихъ и удивленія достойныхъ дѣлъ, которымъ въ будущія времена въ исторіяхъ едва повѣрятъ. Отъ Алпійскихъ горъ идетъ онъ на Пиринейскія для занятія двухъ важнѣйшихъ мѣстъ, чрезъ что изъ наилучшихъ нашихъ земель приведена въ безопасность противу всѣхъ покушеній отъ Гишпанцовъ. Онъ идетъ чрезъ Реинъ собирать остатки разсѣяннаго войска, беретъ города, и помоществуетъ въ одержаніи побѣдъ. И такъ достигаетъ собственными своими заслугами по степенямъ достоинства Полководца, и показуетъ во всей своей жизни, что можетъ произвесть главный вождь для защищенія государства, которой послушаніемъ училися знающимъ предводительствовать, и которой храбрость съ раченіемъ, естественное остроуміе съ искусствомъ совокупилъ.

Тогда разумъ и воля его въ самомъ большемъ находилися трудолюбіи. Начиналъ ли онъ дѣла или рѣшилъ, старался великодушно о побѣдѣ, или оной ожидалъ терпѣливо; предупреждалъ ли смѣлостію намѣренія непріятельскія, или уничтожалъ страхъ и ревность союзниковъ разумомъ; воздерживался ли во щастіи, или въ нещастливыхъ войнахъ пребывалъ непоколебимымъ; однако душа его была всегда не-

непремѣнна. Когда перемѣняло щастїе свои виды, тогда производилъ онъ другїя добродѣтели: щастливъ, но безъ гордости, неблагополученъ, однакожъ знаменитъ, да еще почти толикожъ и удивителенъ, когда онъ разумомъ и смѣлостїю остатки при Марїенталѣ разбитыхъ войскъ отъ пагубы избавилъ, когда побивши самъ Цесарцовъ и Баварцовъ принудилъ побѣдоносным войскомъ всю Германїю просить у Францїи мира.

Думали тогда, что щастливое замиренїе пресѣчетъ всю войну въ Европѣ, какъ Богъ, коего судьбы *неисповѣдимы*, Францїю еяжъ оружїемъ наказать восхотѣлъ, и оную привелъ въ такїе непорядки, которые гражданскїя и внутреннїя безпокойствїя произвесть могутъ въ государствѣ. Воспомните, Слышателїе! сїи смущенныя времена, въ которыя ненавистливый духъ несогласїя, насилїе и право, надлежащую должность и корыстолюбїе, справедливое и беззаконное дѣло вмѣстѣ мѣшалъ, когда почти самыя свѣтозарнѣйшїя звѣзды помрачились, и когда самые вѣрнѣйшїе подданные противу воли своей видѣли себя носимыхъ волнами противныхъ сторонъ. Какъ корабельщики, примѣтя, что буря посредѣ моря ихъ постигаетъ, принуждены бываютъ, оставить опредѣленный путь свой, и на нѣсколько времени предаться

даться ярости ревущихъ волнъ: подобно сему бываетъ съ правосудїемъ Божїимъ, и съ естественною слабостїю человѣческою. Но разумный человѣкъ скоро паки въ себя придетъ и какъ въ Политикѣ, такъ и въ Вѣрѣ находится нѣкоторый родъ раскаянїя, которой гораздо славнѣе, нежели сама неповинность, награждающая сугубо слабости чрезмѣрными добродѣтелями и безпрестанною ревностїю.

Но гдѣ мнѣ остановиться? Слышателїе! безъ сомнѣнїя воображаете вы себѣ Тюренна стоящаго предъ Королевскимъ войскомъ. Вы *видите* его сражающагося, и бунтъ укрощающаго, исправляющаго въ заблужденїе пришедшихъ, укрѣпляющаго страхомъ объятыхъ, и вопїющаго аки втораго Моисея: *Прїидите ко мнѣ, иже Господни есте.* Какъ велика была тогда его непоколѣбимость и его разумъ! то поспѣшаетъ онъ на брегъ Луары въ препровожденїи немногихъ военачальниковъ и воиновъ, для защищенїя моста, и вооружается на брань противу войска. Не извѣстно, смѣлость ли сего предпрїятїя; или одно присутствїе сего вождя, или очевидное небесное защищенїе здѣлало непрїятелей неподвижными, однако устрашалъ онъ намѣренїемъ своимъ тѣхъ, которыхъ не могъ бы удержать силою, и такою щастливою отважностїю паки учинилъ помощь государ-

стзу

ству къ паденію уже почти клонящемуся. То употребляетъ всѣ способы, которые ему время и мѣсто представляетъ. Малымъ числомъ людей приводитъ такое войско въ замѣшательство, которое лишь только побѣдило, и заслуживаетъ тѣмъ еще похвалу непріятелей своихъ, такъ, чтобъ въ языческія времена почитали его Богомъ брани. То принуждаетъ трактатами на брегу Секваны чужестраннаго Принца, коего тайныя намѣренія испыталъ, чтобъ выступилъ онъ изъ Франціи, и принуждаетъ его удалиться той надежды, которою ласкалъ онъ себя получить пользу отъ нашихъ замѣшательствъ.

Здѣсь могъ бы я присовокупить завоеванныя мѣста и полученныя надъ бунтовщиками побѣды, но лучше мнѣ умалить нѣсколько славы нашего героя, нежели долѣе разсуждать о преждебывшемъ нашемъ бѣдствіи. Мы лучше говорить будемъ о другихъ дѣлахъ, которыя столько полезны для Франціи, сколько и для него самого были, и отъ чего наши непріятели не имѣли причины радоваться. Довольно того, ежели я скажу, что укротилъ онъ поступкою свою бурю, отечество наше взволновавшую. Что обуздано было дерзновеніе, укрощена явная и тайная ненависть, получили законы паки силу свою, возстановленъ порядокъ и спокойствіе въ

горо-

городахъ и областяхъ, и что соединены паки члены съ ихъ главами : за сїе все ему должна ты благодарить Францїя ! я заблуждаю : ты должна благодарить Бога, которой по соизволенїю своему изъ сокровищъ провидѣнїя своего производитъ великїя души, избранныя имъ очевиднымъ орудїемъ могущества своего ; дабы возстановить и въ самой жесточайшей бурѣ всеобщую тишину и покой, государствамъ вспомоществовать въ ихъ упадкѣ, и примирить во удовольствїе его правосудїя народы съ ихъ Правителями.

Храбрость его, при нещастїи отечества своего не весьма охотно являющаяся, казалась отчасу быть во внѣшнихъ войнахъ горячее, и можно было видѣть, что мужество его возрастало. Не разумѣйте, Слышателїе ! подъ симъ словомъ, тщетной, безразсудной и отчаянной дерзости, для самой себя опасности ищущей, безъ пользы отваживающейся, и ничего иного какъ славу и почтенїе народное предѣломъ себѣ поставляющей. Я говорю о разумной и благоучрежденной смѣлости, раждающейся при взорѣ ея непрїятелей, и въ самой опасности все разсматривающей, и пользы свой наблюдающей, которая измѣряя силы свой, хотя предпринимаетъ важныя вещи, однако ни за какїя невозможныя не берется, которая ничего

чего слѣпому щастїю не поручаетъ, чего добродѣтелїю достигнуть можно. Наконецъ, говорю я, о смѣлости въ недостаткѣ хорошихъ совѣтовъ на все отваживаться могущей, и при наблюденїи должности своей, какъ въ побѣдѣ умереть, такъ и въ нещастїи жить готовой.

Я признаюсь, Слышателїе! что я здѣсь подъ бремянемъ моего слова ослабѣваю. Великое множество дѣлъ, о коихъ я говорить долженъ, приводитъ меня въ замѣшательство; я не могу оныхъ всѣхъ описать, однакожъ не хочу ни одного пропустить. *Я сожалѣю, что* не знаю такого искусства, которымъ бы могъ я словесно впечатлѣть въ сердца̀ ваши точное начертанїе Германїи и Фландрїи! чѣмъ могъ бы я изобразить въ мысляхъ вашихъ все то безъ всякаго непорядка, что сей великой вождь содѣлалъ, и кратко при каждомъ мѣстѣ обьявить. Здѣсь взялъ онъ бойницы, и вспомогалъ осажденному городу. Тамъ во ужасъ привелъ непрїятелей, или разбилъ ихъ на открытомъ полѣ. Сїи города̀, гдѣ вы лилеи видите, или неусыпностїю его защищены, или храбростїю и мужествомъ взяты. То мѣсто, которое лѣсъ и рѣка прикрываетъ, есть самое, гдѣ онъ по славномъ отступленїи устрашенное войско паки ободрилъ. Здѣсь выступилъ онъ изъ строя, что бы вступить

пить въ сраженіе , и единымъ разомъ взялъ онъ и городъ , и одержалъ на полѣ побѣду. Тамъ роздалъ онъ остальныя собственныя свои деньги , и тѣмъ не токмо осаду окончалъ , но еще пошелъ въ тожъ время и далѣе , для пресѣченія и препятствія непріятельской осады.

Я могъ бы еще о многихъ объявить пользахъ , и вспомнить тѣ неблагополучныя нощи , о коихъ Король Гишпанской сожалѣлъ ; я могъ бы напомянуть также и о мирѣ трактатами и союзами исканномъ , безъ котораго ты , о Фландрія ! ты кровавое позорище толикихъ печальныхъ дѣйствій ; *ты плачевная страна , столь узкіе предѣлы имѣющая* ко вмѣщенію толикаго множества войскъ опустошающихъ тебя: ты, говорю я, давно бы ужѐ умножила зѐмли наши , и вмѣсто того, что ты нынѣ нещастливымъ источникомъ нашихъ браній , была бы днесь сладкимъ плодомъ нашея побѣды. Я могъ бы вамъ представить , Слышателіе ! столько же побѣдоносныхъ знаковъ на брегу Рейна , какъ и при рѣкѣ Шельдѣ и Замбрѣ. Я могъ бы описать , какъ онъ поражалъ на битвахъ полки сопостатъ , и проходилъ предъ глазами непріятелей чрезъ рѣки и чрезъ узкія мѣста ; какъ обагрялъ онъ поля кровію , и переходилъ чрезъ непреходимыя горы , дабы познать ихъ далѣе отъ

нашихъ предѣловъ. Но духовное краснорѣчїе не способно описывать войны и сраженїя; языкъ Священника, къ похвалѣ Iисуса Хрїста Спасителя рода человѣческаго опредѣленный, не долженъ говорить о томъ искусствѣ, которое служитъ только ко истребленїю онаго. И я не намѣренъ представить вамъ изображенїй убїйства и кровопролитїя для того, что стоимъ мы предъ жертвенниками, гдѣ Господу силъ болѣе ужѐ не кровїю воловъ, но Богу мїра и щедроты безкровную жертву приносить должно.

Но какъ? или нѣтъ Христїанской храбрости и мужества! или не учитъ насъ Священное писанїе повелѣвающее намъ освящать войны, чтобъ цѣломудрїе съ оружїемъ пребывали вмѣстѣ? долженъ ли я проклинать такую жизнь, которую вѣра сама не клянетъ, когда только военное насилїе умѣренно употребляется? Ни какъ, Слышателїе! я знаю, что Владѣтели не вотще мечь носятъ, что сила позволяется, ежели она сопряжена со справедливостїю; что Господь силъ самъ ужаснымъ владычествуетъ правосудїемъ, котораго себѣ Цари сами ищутъ; что право оружїя для удержанїя согласїя потребно; и что война позволяется для установленїя мира, для защищенїя неповинности и удержанїя злобы, и для обузданїя желанїй въ пре-

предѣлахъ справедливости. Я знаю и то, что кротость и любовь должны управлять войнами Христіанъ; что полководцы ведущіе войны суть служителіе Божескаго провидѣнія, всегда премудродѣйствующаго и власти своихъ Царей, которая завсегда справедлива быть должна, что они должны имѣть кроткое и снисходительное сердце, и въ самое то время, когда ихъ руки окровавлены, и что они внутренне Творца молить должны, будучи принуждены печальнымъ образомъ погублять его Твореніе.

Здѣсь, Слышателіе! свидѣтельствуюсь я всѣмъ свѣтомъ; и когда говорю я о тихости и кротости Маршала Тюренна, то ссылаюсь я на всѣхъ подъ его предводительствомъ когда ни есть въ сраженіяхъ бывшихъ. Веселился ли онъ тѣмъ, чтобъ употреблять власть свою ко вреду почитающихся непріятелями его? Гдѣ оставилъ онъ ужасную память гнѣва своего, или особливаго своего мщенія? Какую побѣду почиталъ онъ по числу нещастливыхъ имъ притѣсненныхъ, или по тѣламъ мертвыхъ, имъ на мѣстѣ побоища оставленныхъ? Чью жизнь привелъ онъ въ опасность, изъ корысти или честолюбія? Какого воина не щадилъ онъ какъ подданнаго своему Государю и какъ сочлена всего общества? Какую каплю крови пролилъ онъ, кото-

рая бы не служила къ приращенію всеобщей пользы? Въ славномъ сраженіи при Динѣ видѣли, какъ исторгалъ онъ оружія изъ рукъ у чужихъ воиновъ, которыя неестественною лютостію побѣжденныхъ посѣкали. Видѣли его многіе воздыхающаго о нещастіяхъ необходимо въ войнѣ бывающихъ, которыхъ иногда видѣть не должно, но часто допускать или причинять оныя надлежитъ; онъ зналъ, что есть еще вышшій и священнѣйшій законъ, нежели щастіемъ и гордостію на слабыхъ и нещастливыхъ предписанный, и что живущіе подъ закономъ Іисуса Христа кровь, кровію его избавленныхъ, и жизнь смертію его искупленныхъ, всевозможнымъ образомъ щадить должны. Онъ старался непріятелей укротить, а не истребить. Онъ желалъ бы, чтобъ могъ онъ нападать на нихъ не причиняя имъ вреда, защищать себя не обижая ихъ, и поступать справедливо съ тѣми, которымъ онъ по должности своей насиліе учинить долженъ.

Напослѣдокъ избралъ онъ себѣ нѣкоторую особливую военную нравоучительную науку, которая одному ему была свойственна. Главная его склонность состояла въ томъ, чтобъ стараться о славѣ своего Государя, желать мира, и оказывать ревность свою для общаго благополучія. Онъ никакихъ другихъ непріятелей не

зналъ,

зналъ, какъ только гордость, несправедливость и самовластное присвоенїе чужихъ земель. Онъ обыкъ вступать безъ гнѣва въ сраженїе, побѣждать безъ гордости, торжествовать безъ суеты, и поставлять только добродѣтель и премудрость правиломъ своихъ дѣлъ: сїе то долженъ я представить вамъ во второй части.

Храбрость есть ничто иное, какъ слѣпая и насильственная власть, которая сама себя въ замѣшательство и въ скоропостижность приведетъ, ежели честностїю и разумомъ не просвѣщена и не препровождаема будетъ, и никакой Полководецъ не можетъ быть совершеннымъ, ежели онъ притомъ не будетъ мужъ разумный и добродѣтельный. Какїя тотъ можетъ похвальныя военныя въ походѣ здѣлать учрежденїя, которой не знаетъ ни сердца, ни поступокъ своихъ привести въ порядокъ? И какъ можетъ по своимъ намѣренїямъ столь много различныя страсти въ войнахъ возбуждать и укрощать тотъ, которой надъ своими не господствуетъ? Самъ Духъ Божїй учитъ насъ въ Священномъ писанїи, что премудрый лучше, нежели сильный, что разумъ болѣе дѣло производитъ, нежели оружїе воиновъ, и что терпѣливый и кроткїй болѣе иногда почитается, нежели завоеватель городовъ, и на сраженїяхъ побѣдитель.

 При-

Присемъ въ мысляхъ вашихъ, Слышателіе! несомнѣнно великолѣпнѣйшія раждаются воображенія, нежели я вамъ подать могу. Ибо сказывая о Маршалѣ Тюреннѣ, долженъ я признаться, что я оныхъ выше мѣры превознести не въ состояніи, и что единая польза въ семъ случаѣ для меня, что я ничего такого сказать не могу, чемубъ вы не были должны повѣрить; и я могу повѣствовать о великихъ дѣлахъ не дѣлаясь ласкателемъ. Былъ ли когда столь мудрый и осторожный мужъ, которой бы велъ войну съ большимъ порядкомъ и разумомъ; которой бы имѣлъ болѣе осторожности и надежды; которой бы былъ рассудительнѣе и трудолюбивѣе; которой бы теченіе всѣхъ дѣлъ къ намѣряемому концу лучше учреждалъ, и отъ предпріятій своихъ ожидалъ плода столь терпѣливо? Предпріятія его были почти необманчивы, и какъ они не токмо то открывали, что здѣлали непріятели, но и что они еще дѣлать намѣрены были, то могъ онъ иногда быть и нещастливымъ, но никогда устрашеннымъ. Онъ зналъ различать къ нападенію и къ защищенію. Онъ ни на что ни когда не отваживался, развѣ гдѣ много выиграть могъ, самъ почти ничего не теряя. Такъ, что ежели ему гдѣ и отступать надлежало, то могъ онъ представлять себя страшнымъ, словомъ, искусство его было столь велико, что честь побѣдъ его должно

жно приписать одному его разуму , а проигрышъ его почесть надлежитъ только за нещастіе.

Припомните , Слышателіе ! начало и продолженіе той войны , которая будучи единою только искрою , нынѣ всю Европу пожираетъ. Все возстаетъ противу Франціи , чужестранныхъ возмущаютъ , союзниковъ отводятъ , пріятелей устрашаютъ , ободряютъ побѣжденныхъ , вооружаютъ зломышленниковъ. Для воображаемой опасности и для хитростно произведеннаго недовѣрія , вѣрность нарушается , и всѣ трактаты уничтожаются. Я признаюсь , стоять въ одно время противу столь многихъ соединенныхъ войскъ , потребны были также храбрыя войска , и такіе же искусные предводители , какъ были наши. Но ничего столь страшнаго видѣть не можно было, какъ когда вся Германія , великое и страшное тѣло изъ толь многихъ народовъ состоящее, распустя знамена свои къ предѣламъ нашимъ приближалась , чтобъ преодолѣть насъ силою, устрашивъ насъ прежде своимъ множествомъ. Противу столь многихъ непріятелей должно было поставить и такого воина , которой былъ мужъ совершеннаго искусства , великаго понятія , и непоколебимой храбрости ; которой хранилъ честь государства , и силы онаго щадилъ ; которой не позабывалъ ничего полезнаго и

 потреб.

потребнаго, и не предпринималъ ничего излишняго; которой случай въ пользу свою употребить и вредъ наградить умѣлъ; которой иногда щитомъ, а иногда мечемъ своему отечеству былъ, могущій исполняти данныя себѣ повелѣнія, и дѣлать свои въ разныхъ случаяхъ предпріятія.

Вы знаете, Слышателіе! о комъ я говорю; вы знаете, также и великое число дѣлъ его, безъ моего объявленія. Съ войскомъ, которое только ради своей храбрости и повѣренности къ повелителю своему достопамятно было, воспящаетъ и истребляетъ онъ два войска, и принуждаетъ тѣхъ здѣлать миръ, которые войну желали окончать конечнымъ нашимъ и незапнымъ сокрушеніемъ. То противится онъ совокупленію толь многихъ соединенныхъ вспомогательныхъ войскъ, и пресѣкаетъ теченіе такихъ рѣкъ, кои бы могли потопить всю Францію; то приводитъ ихъ въ слабость или разсѣваетъ повторенными сраженіями; то прогоняетъ чрезъ собственныя ихъ рѣки возвратно, и воспящаетъ ихъ въ намѣреніяхъ отважными своими предпріятіями, когда честь свою возставить, а умѣренностію, когда оную только удержать надлежало. Вы города! которые непріятели наши ужѐ между собою раздѣлили, вы пребываете еще въ окружности нашего государства; вы зѐмли!

ли! въ мысляхъ ихъ уже опустошенные, вы еще жатву свою собираете; вы естествомъ и искусствомъ укрѣпленныя мѣста! которыя они пограбить намѣрены были; вы спите еще: и вы трепетали только отъ дерзновенныхъ намѣренїй мнимаго побѣдителя, считающаго только число нашихъ воиновъ, и непредставляющаго себѣ остроумїе ихъ предводителя.

Остроумїе сїе было источникомъ толь многихъ преславныхъ щастливыхъ случаевъ. Оно содержало согласїе воиновъ съ ихъ главою, непобѣдимымъ войско дѣлающее. Оно подавало войскамъ силу, храбрость и твердую надежду, чрезъ что они все сносили, и для исполненїя намѣренїй его все предпринимали. Оно наконецъ грубѣйшїй родъ людей къ честолюбїю склонило. Ибо что есть войско? Слышателїе! оно есть такое тѣло, которое безчисленными разными склонностями побуждаемо, и которое искусный мужъ для защищенїя своего отечества въ движенїе приводитъ. Оно есть толпа вооруженныхъ людей, слѣдующихъ слѣпо повелѣнїямъ ими начальствующаго, хотя бы она и намѣренїй его не знала. Оно есть множество по большой части простыхъ людей за деньги нанимающихся, кои не помышляя о своей чести, стараются распространить славу Государей и

побѣдителей. Оно есть смѣшенное собранїе необузданныхъ людей, которыхъ надлежитъ привести къ послушанїю. Есть между ими люди боязливые, которыхъ въ сраженїе вести, дерзновенные, коихъ удерживать, и нетерпѣливые, коихъ къ постоянству прїучать должно. Какое остроумїе требуется толь многоразличныя намѣренїя и страсти управлять, и для одной пользы общаго благополучїя совокупить воедино? Возможно ли здѣлать себя страшнымъ, не вдаваяся въ опасность ненавидимымъ, и часто быть оставленнымъ? Возможно ли привесть себя въ любовь, не потерявъ нѣсколько почтенїя и не уменьшивъ нѣсколько обыкновенной строгости?

Кто когда сего средняго пути лучше держался, какъ тотъ Принцъ, котораго мы оплакиваемъ? Тѣхъ, коихъ особливо страхомъ и наказанїемъ воздерживать должно, зналъ онъ дружествомъ и подобострастїемъ обуздывать, и производилъ умѣренностїю своею удобно въ нихъ непринужденную къ себѣ покорность. Тюреннъ говоритъ, и всякой слушаетъ предложенїя его, повелѣваетъ, и всякой повинуется ему съ охотою, наступаетъ на непрїятеля, и всякъ думаетъ, что онъ течетъ путемъ чести. Можно почти сказать, что онъ какъ Авраамъ со своими только домочадцами выходитъ разбить соединившихся

шихся

шихся Царей ; что слѣдовавшїе за нимъ были и воинами и служителями его ; словомъ что онъ купно и Полководецъ и Владыка дому. И подлинно старанїямъ ихъ ничто противиться не можетъ. Они не находятъ никакого препятствїя, котораго бы не осилили ; никакого затрудненїя, котораго бы не одолѣли ; никакой опасности, котораябъ ихъ устрашила ; никакого труда, которой бы ихъ утомилъ ; никакого предпрїятїя, которое бы въ ужасъ ихъ привело, и никакой храбрости, котораябъ имъ трудною показалась. И въ чемъ бы они могли предводителю своему отказать, которой *угодїя* свои отринулъ, для прїобрѣтенїя имъ всякаго довольствїя, которой для ихъ покоя собственнаго своего лишился, которой въ трудахъ ихъ подкрѣплялъ, и самъ отъ оныхъ не уклонялся, которой крови своей не жалѣлъ, и ихъ только кровь щадилъ.

И такъ какими невидимыми оковами обуздывалъ онъ ихъ склонности? Тоюже самою милостїю, которою ихъ *отъ* части ободрялъ, извинялъ другихъ, и подавалъ всѣмъ способъ къ успѣхамъ въ преодолѣнїи нещастїя, или исправленїи пороковъ ихъ. Сїе дѣлалъ онъ особливо, не имѣя корыстолюбїя, отъ чего готовъ былъ предпочесть пользу государства собственной своей чести, правосудїемъ, которая въ раздѣленїи

чиновъ

чиновъ не допускала его смотрѣть болѣе на склонность свою, нежели на заслуги; симъ благородствомъ сердца и души, которое его выше собственной своей великости возвышало; и еще многими другими качествами, которыя его въ почтеніе предъ всѣмъ свѣтомъ привели. Сколь охотно желалъ я проникнуть въ причины, и въ побуждающія основанія дѣлъ его! Сколь бы охотно описалъ я такое порядочное и единообразное поведеніе, такую преславную отъ неистовства и тщеславія отдаленную заслугу; такія великія и еще изъ величайшихъ основаній происходящія добродѣтели; всеобщую честность, побуждающія его послѣдовать всѣмъ его должностямъ, и учреждать всѣ оныя по ихъ справедливымъ и естественнымъ намѣреніямъ, и такъ блаженное упражненіе въ добродѣтели, однакожъ не для чести, но только для справедливости, къ тому насъ обязывающей. Но для меня сего будетъ много, чтобъ проникнуть до основанія великодушнаго сего сердца, и сіе устамъ большаго, нежели мой краснорѣчія исполненнымъ оставляется, дабы изъяснить всѣ его внутреннія движенія и склонности.

Чтобъ столь многія добродѣтели чрезвычайнымъ награждены были воздаяніемъ, долженъ онъ былъ найти такого великаго Государя, которой бы самъ о себѣ думалъ, что

что есть нѣчто , чего онъ не разумѣетъ, и которой бы искреннѣ въ томъ признался. Оставимъ лестныя тѣ мысли , чтобъ Государи въ самомъ своемъ рожденiи искуснѣйшими на свѣтъ происходили , а прочiе бы люди тому долженствовали послѣ учиться, чтобъ особливыми ихъ преимуществами одаренныя души премудрость и разумъ изъ десницы Божiей безъ трудовъ получали. Чтобъ они никакихъ опытовъ не дѣлали , и никакому бы обученiю подвержены не были, и чтобъ они добродѣтельными безъ старанiя , и безъ искусства умными были. Мы живемъ подъ владѣнiемъ такого Государя, которой хотя такъ великъ и просвѣщенъ , однакожъ искусству владѣнiя научиться желалъ; которой зналъ избрать вѣрнаго предводителя для прiобрѣтенiя себѣ чести , и почиталъ то за знакъ премудрости своей, ежели онъ пользоваться будетъ благоразумiемъ другаго. Какая честь для подданнаго будучи при Государѣ, служить ему Совѣтникомъ, и когда еще сказать смѣю , образцомъ въ важныхъ военныхъ дѣлахъ ! По истиннѣ тѣмъ болшая честь , что благосклонность въ томъ участiя не имѣла , что она только полагалась на извѣстныя его заслуги, и что завоеванiе знатныхъ городовъ во Фландрiи потомъ послѣдовало.

Какихъ бы намѣренiй ни предпрiялъ златолюбивый и высокомѣрный мужъ по

толь преславномъ опытѣ почтенія и повѣренности? Сколько бы сокровищъ и честей собралъ, и какъ бы дорого труды и заслуги свои продавалъ! однако благоразумный сей мужъ, будучи безъ всякаго корыстолюбія, свидѣтельствомъ совѣсти своея доволенъ, находитъ въ томъ удовольствіи, которымъ наслаждается, дѣлая доброе, воздаяніе своихъ заслугъ. Хотя онъ и все получить можетъ, однако ничего не проситъ, и ничего не желаетъ. Онъ желаетъ себѣ, какъ Соломонъ, умѣренной своей чести посреди нищеты и богатства: и чтобъ ему ни предлагали, однако желаніе его простираться далѣе не будетъ, какъ только чего нужда требуетъ, и заключается въ предѣлахъ необходимости. Единое только то честолюбіе могло его тронуть, чтобъ заслужить почтеніе и милость своего Государя. Честолюбіе сіе получило удовлетвореніе; и нынѣшней свѣтъ видѣлъ такого подданнаго, которой любилъ Государя своего для великихъ только его качествъ, а не для сана его и щастія, и такого Государя, которой подданнаго своего болѣе за прямыя его достоинства, нежели за службу его имъ оказанную почиталъ. Сія честь не умаляла скромности. И я не знаю, какое то при семъ словѣ томленіе совѣсти меня въ ужасъ приводитъ. Я страшусь объявить о тѣхъ похвалахъ, которыя онъ часто опровергалъ, и обидить

дить по смерти его такую добродѣтель, которую онъ такъ много любилъ въ жизни своей. Однако должность требуетъ отъ насъ того, чтобъ мы поступали по справедливости, и хвалилибъ его въ такое время безъ всякаго страха, когда не можемъ мы быть ни ради ласкательства подозрительными, ниже удобными къ какому ни будь тщеславію.

Кто когда болѣе совершилъ великихъ дѣлъ? И кто объ нихъ говорилъ съ болшею скромностію? получалъ ли онъ когда выигрышъ, то не слышно было изъ разговоровъ его, что онъ при томъ случаѣ столь искусенъ былъ, что непріятель учинилъ проступку. Увѣдомлялъ ли онъ когда о сраженіи, то довольствовался сказать только одно то, что оное имъ выиграно. Разсказывалъ ли какія свои дѣла, которыми прославился, то надлежало притомъ думать, что былъ онъ притомъ простымъ только зрителемъ, и сомнѣвались, онъ ли или пронесшійся слухъ въ томъ погрѣшилъ? Возвращался ли изъ славныхъ своихъ походовъ, которые имя его безсмертнымъ здѣлаютъ, то убѣгалъ восклицанія народнаго. Краснѣлъ, слыша о своихъ побѣдахъ, похвалы свои не инако принималъ, какъ иныя защитительныя письма, и почти не отваживался при Государѣ присутствовать, для того, что онъ изъ

почте-

почтенія къ нему похвалы сносить долженствовалъ, которыми Его Величество безпрестанно его удостоивалъ. Тогда сей Принцъ въ сладчайшемъ покоѣ, тихой и уединенной жизни удалялся въ пріобрѣтенной сей чести въ бывшей войнѣ, имѣлъ обхожденіе съ малымъ числомъ избранныхъ друзей, и упражнялся безъ всякаго шума въ гражданскихъ добродѣтеляхъ. Тогда былъ онъ искрененъ въ своихъ разговорахъ, простъ въ дѣлахъ своихъ, вѣренъ въ своей дружбѣ, тщателенъ въ своихъ должностяхъ, и великъ въ самыхъ малѣйшихъ дѣлахъ. Онъ скрывается, однако санъ его открываетъ, онъ идетъ не имѣя за собою послѣдователей, но всякой въ мысляхъ возводитъ его на торжественную колесницу. Какъ скоро увидятъ его, то считаютъ непріятелей имъ побѣжденныхъ, но не слугъ за нимъ слѣдующихъ: и когда онъ одинъ, то представляютъ вокругъ его добродѣтели и побѣды; его препровождающія. Въ почтенной сей простотѣ находится нѣчто благородное, и чѣмъ менѣе въ немъ гордости, тѣмъ онъ почтенія достойнѣе бываетъ.

Славѣ его тогда нѣчто бы не доставало, ежелибъ онъ повсюды удивляющихся себѣ обрѣталъ, не имѣя нигдѣ ненавистниковъ. Столь велика несправедливость человѣческая! она неповинную честь наилучшимъ спо-

способомъ сысканную повреждаетъ. Все ихъ превозвышающее бываетъ имъ ненавистно и несносно; самое скромнѣйшее щастїе всѣми похваляемое не можетъ никогда избавиться отъ сего худаго и злаго пристрастїя. Сїя то есть судьба великихъ людей, чтобъ претерпѣвать отъ онаго нападенїе, и преимущество господина Тюренна, что онъ и сихъ могъ преодолѣвать. Ненависть уничтожаема была либо презрѣнїемъ его, или безпрестанно возрастающею честїю его и величїемъ. Она раждалась изъ его заслугъ, и онымижъ заслугами истреблялась. Самые его недоброжелатели признавались, сколь необходимъ онъ для отечества. Нетерпящїе возвышенїя его принуждены были наконецъ и свое къ тому подать согласїе, и когда они не осмѣливались радоваться о благополучїи такого человѣка, которой имъ никогда не учинилъ злаго удовольствїя, чтобъ утѣшить ихъ какимъ ни есть своимъ порокомъ, то соединяли голоса свои со всенароднымъ слухомъ, думая, что будутъ они непрїятелями всея Францїи, ежели будутъ его непрїятелями.

Но къ чему бы служили столь многїя мужественныя свойства, ежели бы не оказалъ надъ нимъ Богъ своея щедроты, и когда бы тотъ, коего Божеское Провидѣнїе къ толь благороднымъ дѣламъ употребляло,

посреди побѣдъ и торжествъ умирающаго кроткаго Христіанина, и какое бы позорище сіе было. Съ какимъ бы вниманіемъ препроводилъ сіе время въ сердечномъ оплакиваніи прежнихъ своихъ заблужденій, въ униченіи себя предъ величествомъ Божіимъ, и въ призываніи на помощь мышцы его не противу видимыхъ ужѐ непріятелей, но противу враговъ спасенія его. Теплое его въ вѣрѣ усердіе и горящая его любовь, безъ сомнѣнія подвигнули бы насъ; и мыбъ получили въ немъ примѣръ упованія безъ безпечалія, страха безъ слабости, покаянія безъ притворства, постоянства безъ принужденія, и смерти, которая Богу и человѣкамъ столь была драгоцѣнна.

Не справедливыль сіи мнѣнія, Слышателіе! какія говорю я мнѣнія? Сіе было дѣйствительное его предпріятіе. Онъ намѣренъ былъ жить такъ свято, какъ чаю я, что онъ умеръ. Когда онъ готовъ былъ, всѣ свои вѣнцы подвергнуть къ стопамъ Іисуса Христа, какъ оные побѣдители во откровеніи; когда готовъ онъ былъ, всѣ свои чести совокупя оныя добровольно отложить: то не принадлежалъ ужѐ болѣе онъ къ сему свѣту, хотя его провидѣніе въ немъ нѣсколько еще и удерживало. Въ шумѣ войскъ пребывалъ онъ въ сладчайшей и тайной надеждѣ своего уединенія. Одною рукою сокрушалъ

Ама-

Амалика, а другую воздѣвалъ уже для испрошенія себѣ самому небеснаго благословенія. Сей Іисусъ Навинъ во браняхъ исполнялъ уже званіе Моисеево на горѣ; и носилъ подъ оружіемъ военнымъ сокровенно сердце и желаніе кающагося.

Господи! освящаяй и самыя темнѣйшія тайны нашея совѣсти, и въ самыхъ потаенныхъ нашихъ намѣреніяхъ будущее такъ ясно видяй какъ настоящее; прими душу сію въ объятія славы твоея, вскорѣ опредѣлить себя желавшую единому только размышленію о неиспытанной твоей вѣчности. Возри на желаніе тобою самимъ въ него влїянное, исполненію котораго время еще, а не намѣреніе его препятствовало. Но не точію воля его предъ тобою пріятна да будетъ, виждь дѣла, и возри на любовь его ко братіи своей, отчасти имъ уже исполненную; а отчасти ко спасенію и утѣшенію ихъ уготованную. Возри на заблуждшія души паки его вспоможеніемъ, его совѣтами и его примѣромъ обращенныя. Возри на кровь твоего народа имъ пощажденную; возри и на его собственную кровь столь великодушно за насъ пролитую, и чтобъ сказать еще болѣе, то возри на кровь Іисусомъ Христомъ за него излїянную.

Вы

Вы служители Господни, совершите священную жертву! Вы Христіане умножьте ваши обѣты и вашу молитву, дабы Богъ въ воздаяніе его трудовъ преселилъ его въ жилище вѣчнаго покоя, и даровалъ бы тому на небеси неокончаемое спокойствіе, которой намъ оное на землѝ троекратно принесъ, и которое хотя и не было непоколѣбимо, однакожъ всегда мысли, сердца̀ и желанія наши несказанною радостію восхищало.